

Казус участка

уже было: вся Россия – наш сад (как в восторженной реплике чеховской героини), вся Россия – палата № 6 (как в горестном бдении будущего революционера Ленина). Прошедшая неделя пережила ощущение того, что вся Россия – это один большой участок, обожженный, заполненный безумцами, тихими, как в экранизации «Полночь в долине», или буйными, как в теленовостях об убийствах и избивании людей по принципу цвета кожи и разреза глаз. И то, что на этом участке что-то еще продолжает сеять разумное или доброе, как режиссеры разных поколений, чьи фильмы в неудобное для публики время были все же показаны, – Говорухин, Грымов, Худяков, – является подлинным казусом.

Можно ли найти более идеальное время для показа фильма с глубоко советским содержанием, полученным от рожденного в начале 50-х годов прошлого века романа В. Дудинцева, «Не хлебом единым», в одиннадцатый час вечера (ночь) в воскресенье? Если мы, в России, вели счет недели на английский идиом, то у нас неделя начинается бы с воскресенья; вот и телевизионный «отсчет» начинается с воскресенья, а не с предпоследнего, с новым фильмом С. Говорухина по роману Дудинцева, и далее с продолжившимся показом «не сериала» Ю. Грымова по роману Л. Улицкой. Говорухину как юбиляру главный канал все же уделит приоритетное, пусть и неудобное, рабочее время, а время, которое закончилось около часа дня, то есть уже в понедельник. Но знаменитому клипмейстеру, который однажды достигнул на наше святое – только в субботу, по субботам и воскресеньям. Однако смелый шаг на страдания душевнобольной, которая сама себе пишет записочки, на экспериментальную мышку, у которой водят трепанацию черепа, а лысый череп тоскует от своего несовершенства, заглатывающего водку, а хорошего врача вряд ли найдешь во время обеда люди, а сегодня размерен-

ный, здоровый образ жизни. Тем более не станут отдыхающие в середине выходного дня глядеть на выполненные в стильной монохромной, желтовато-серой гамме мучительно-элегантные кадры с карабкающимися по песчано-глинистым склонам людьми, которые к тому же время от времени и вовсе выкапывают сами себя из рыхлых насыпей, то сбиваясь в кучки, то разбегаясь ковыляя в своих и, видимо, наших общих сновидениях-кошмарах.

Это уже не казус Кукоцкого, знаменитого врача-гинеколога, а казус Грымова, который когда-то показал публике первый по-настоящему профессиональный рекламный клип – с голыми телами людей, корчившихся в пепельнице, как оплывающие пеплом окурки. Теперь режиссер снял фильм тоже о вреде, но не курения, а самой жизни, в которой любовь есть источник страданий, а понимание – источник безумия. Действие фильма, происходящее в середине двадцатого века, вполне укладывается в русло современной ретромоде. По дамской жалобная интонация Улицкой получила обертоны в мужском голосе режиссера, но щемящая, тоскливая нота, такая несвоевременная в минуты отдачи телевизителей, боюсь, осталась неуслышанной.

Годящийся Грымову в отцы Говорухин эстетом в кино не слыл, в политические игры подался с активностью, присущей его поколению семидесятителетных энтузиастов. Правда, ему, к его усам и сипловатому голосу, идет трубка и большая собака, которые фигурировали в фильмах, где он играл то английского высокомерного аристократа Фаунтлероя, то соратника российской «мисс Марпл» в картинах с издева-

Это уже не казус Кукоцкого, а казус Грымова, который снял фильм о вреде самой жизни, в которой любовь есть источник страданий.

тельским названием «Женская логика» и замечательной партнершей (впрочем, еще кто кому партнер!) Алисой Фрейндлих. Но о ней – чуть дальше. Вот этот-то социальное активный Говорухин снял фильм, который и не показать было нелепо, и показывать не очень-то хотелось, как пятьдесят с лишним лет назад не хотелось публиковать роман «Не хлебом единым». Опять – ретро: шляпки-«менингитки», добротные толстые каблуки женских ботинок, спинки кровати с никелированными шарами, широкие лестницы «сталинских» зданий, бодро дымящие заводские трубы...

Только в отличие от Грымова Говорухин в «эту пору прекрасную» успел пожить, и для него борьба за право простого учителя физики изобре-

тать нужные стране трубы – это кусок его живой и, думаю, любимой жизни. Он искал себе актеров-соратников. И нашел старательно семенящего В. Сухорукова – с лысым черепом, как у Ю. Цурило в фильме Грымова. Да, была такая мода, вот и пришедший к власти Хрущев (модная сегодня телефигура) череп брил, это стало знаком времени, в которое с завидным упорством возвращает нас родное телевидение. Еще Говорухин нашел изумительно уложившегося в стандарт чудака-ученого ровесника своего, А. Петренко: трогательно, мягко, нелепо, играющего любую роль – потому что органичен беспредельно – как единственную и неповторимую. Не будь здесь Петренко, погубил бы фильм этот «чу-

дак»; а с ним нарочито простодушная лента о нашем социалистическом прошлом с человеческим лицом вызывает ностальгию. Но не по прошлому, как могло бы показаться, а «по настоящему», как писал когда-то еще один нынешний ровесник этих чудачков, поэт А. Вознесенский.

Давным-давно, когда еще выходили на сцену такие артисты, как Раневская и Плят, во многих театрах нашей страны шла примитивная американская мелодрама о несчастливой старости на их «проклятом Западе», и называлась она «Дальше – тишина». Пьесы, спектакли, фильмы о стариках, чье время ушло и чья жизнь остановилась, как стрелки в испорченных часах, на каком-то одном событии, эмоции, воспоминания, долгое

время были у нас только иностранными. Потом наш собственный комедиограф Рязанов снял странноватый фильм «Небеса обетованные», где старики выпадали из жизни на нашей родной почве. Рязанова не поняли, фильм не полюбился. Но вот тоска по привычным лицам и понятным эмоциям начинает приводить в стан стариков и тех, кому еще не время там находиться по своему реальному возрасту, как Грымов, и тех, кто, даже достигнув преклонных лет, может гордиться хорошим тоном и профессиональной формой. Например, Алису Фрейндлих.

Верный этой актрисе режиссер К. Худяков снял с нею и годящимся ей в младшие сыновья Е. Мироновым камерную ленту «На Верхней Масловке». Невыигрышное название может сравниться только с невыигрышным временем, которое в эфире Первого канала было отведено фильму: пятница, с 11 до часу ночи. И хотя Фрейндлих получила приз («Ника», лучшая женская роль) за роль почти столетней старухи с хитро-безумным взглядом, цепкими пальцами кокетки-художницы и головой, облепленной шапочкой 20-х годов и опущенной не волосами, а подобием перьев; хотя Миронов замечательно хорош своими резковатыми от неуверенности манерами, своей быстрой от желания не обременить речью, фильм этот, уверена, мало кто посмотрел. Он ни в одной из виденных мною программ не был вообще никак анонсирован – ни как новый, ни как заслуживающий внимания. А ведь заслуживает. Как это было с другими лентами того же режиссера, начиная с «Успеха», где Фрейндлих «воспитывала» Филатова...

Казус налицо: бездарный по сюжету, застенчиво насобиравший массу актеров во главе с Л. Ярмольником «Заколдованный участок» идет по Первому в прайм-тайм. По будням. Третью неделю. Достойные фильмы к публике не пробиваются. Как там у классиков? Вся наша страна... уж не Загородный ли сад?

Татьяна ЗЛОТНИКОВА, доктор искусствоведения.